

...Еще не дойдя до места, я понял, что и на этот раз опоздал: со стороны «КП» уже доносился говор. Несколько фронтовиков с непокрытыми головами стояли у огня, а дядя Володя, отставив в сторону тросточку, как всегда, похозяйски поправлял свесившиеся цветы. Прислонил и мой букетик. Видно, и впрямь в эти короткие майские ночи фронтовики спят прежним тревожным сном, а ранним утром уже спешат со всех улочек и переулков к мемориалу, к своему последнему «КП». В утренней тишине слышен нарастающий шум шагов: идут пехотинцы, сапёры, разведчики, фронтовые шофёры, лётчики, танкисты, связисты, политруки, будто только сейчас возвращаются со всех фронтов к родному дому, к той изначальной точке, которая почти на пять тысяч километров отстоит от не нашего города Берлина. Так было всегда. Но с каждым годом их всё меньше и меньше...

– Ну что, «однополчанин», – подшучивает надо мной дядя Володя, – опять проспал? Нет, брат, тебе за нами не угнаться, молодой ещё, тыловым сном спишь! Лучше сфотографируй на память, вдруг не доживём до следующего мая...

С дядей Володей я познакомился «ещё при социализме», когда, добравшись с первомайской колонной до Горской, мы решили постоять с сыновьями на крутом берегу: день был ясный, солнечный, и трудовая, принарядившаяся Кировка шла во всю ширину коммунального моста. Рядом с нами, опираясь на

палочку, стоял пожилой человек и тоже вглядывался в заречную сторону, залившую зеленью и кумачом.

– А что, мужики, пожалуй, немцы здесь бы не прошли. Как думаешь, – обрattился он ко мне. – Сам-то служил?

– Так точно, отец. В самоходной артиллерии.

– Да? – оживился он. – Так мы бы с тобой продержались. С этой высоты вся низина простреливается. Ты сверху, а я бы из своей тридцатьчетвёрки с ними внизу, вон у той рощицы, здоровался... А их Одер, пожалуй, пожиже Оби будет...

Мы стояли на этом мирном Горском плацдарме, глядя на зацветающую, омытую вчерашним ласковым дождём землю, на лёгкие облака, идущие на танковой скорости над Обью и над собором Святого благоверного князя Александра Невского, на майские колонны, вливавшиеся в широкое русло Красного проспекта, откуда уходили когда-то добровольческие колонны, и где рядом со Святоалександровским собором встречается их вернувшийся к нам в бронзе другой защитник земли русской – Александр Покрышкин. В годы войны левобережцы добирались на праздники по понтонному мосту, что стоял аккуратно у Чернышевского спуска и был построен всего за месяц в конце лета 1941 года. Нечто подобное, спустя многие годы, мы испытали, когда пошли первые голубые вагоны метро. Как и тогда, мы словно заново осознавали, сколько метров в

километре, как на войне – сколько саженой в русской версте... Метро и впрямь шло с фронтовой скоростью. Каждый шаг проходки давался непросто, и, как в годы войны, учась на ходу, строили его всем миром: те же предприятия, что выполняли заказы метро, в сороковые работали на оборону, помогая солдатам пройти эти тяжёлые километры, соединившиеся в нашей памяти в сплошную линию судьбы: будто сама жизнь свела воедино сотни километров фронтовых траншей, вырытых руками добровольцев сибирских дивизий, с тоннелями метрополитена. Быть может, это и есть наша главная сбойка...

Всё, всё это было в нашей судьбе: и любовь, и надежды, и горечь необъяснимых предвоенных потерь, но для многих эти воспоминания как бы смыты щемящей волной сорок первого года... Хотя живы ещё тысячи новосибирцев, которым стоит только на минуту прикрыть глаза, и вместо потока сверкающих «Тойот», «БМВ» и «Мерседесов» всё подъезжают и подъезжают на центральную площадь к зданию разжалованной нынешней жизнью ВПШ вереницы ЗИСов и полуторок с ранеными.

Для многих сибиряков горше всего было то, что не было возможности сразу ответить ударом на удар. Многим казалось, что они не успеют попасть на фронт, и в первые же часы войны к военкоматам хлынули тысячи добровольцев, а вечером 22 июня в городском саду Сталина состоялся многотысячный митинг «Все на защиту Отечества!» Уже на следующий день рабочие стали переходить на казарменное положение, многие добровольно вернулись из отпусков. В короткие сроки были введены в строй новые гиганты: Олово завод и завод имени Ефремова. Для 16 тысяч эвакуированных новым домом стал главный вокзал, других разместили по школам, гостиницам, в недостроенном театре, многих разбирали по домам сами жители, беженцев встречали прямо на перроне, приносили горячую пищу, ватники, шапки, валенки. Уже потом, спустя годы, будет подсчитано, что город принял, приютил, обогрел почти 100 тысяч эвакуированных. В тяжелейших условиях сибирской зимы было размещено около 50 крупных предприятий, которые заново родились, воскресли на сибирской земле.

Стоит сказать, что всей этой титанической работой по переброске про-

мышленных предприятий (более 1500!) и материальных ресурсов из прифронтовой зоны на Урал и в Сибирь непосредственно руководил будущий глава Советского Правительства, а в годы войны заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров Алексей Николаевич Косыгин, чья трудовая деятельность началась в 1924 году в г. Черепаново Новосибирской области.

За 14 (!) дней был введён в строй приборостроительный завод им. Ленина. Тысячи фрицев пошли на тот свет по дороге, выверенной новосибирской оптикой. Уже в декабре 1941 года на заводе электроагрегатов, эвакуированном из Москвы, были изготовлены первые детали боеприпасов, а немного спустя налажен выпуск зенитных и посадочных станций, аэродромных агрегатов питания, морских прожекторов. И как же радостно и тепло было на душе заводчан, когда город, затянув потуже пояс, выделил им из своих скромных запасов 300 кг пельменей в качестве премии за ударный труд! Однажды в выпуске кинохроники показали, как изготавливают минометы на одном из предприятий города Н., а делали их на нашем... жиркомбинате, который, кроме этого, ежедневно выдавал фронту пищевые концентраты и мыло. Промысловые артели Ипподромского района «Большевик», «Двигатель», «Боевик», «Бытремонт» и завод «Красный литейщик» изготавливали противотанковые гранаты и «глимонки», а мебельная фабрика только за полугодие 1941 года дала фронту 70 тысяч пар лыж и 750 тачанок. По 12 часов работали женщины швейной фабрики, в кратчайшие сроки перешедшие на выпуск шинелей, бушлатов, гимнастёрки, а из проходной бежали в эвакуацию, где, наскоро переодевшись, выхаживали, вытаскивали с того света своими милосердными руками раненых бойцов. А сколько солдат спасла их благородная донорская кровь, возместившая пролитую на войне, сколько металла вынули их нежные руки... Если бы кто догадался сложить его вместе – это был бы им общий благодарный памятник фронтовикам, врачам, сёстрам милосердия... 218 тысяч раненных защитников Родины вернули они в строй. Не всех удалось спасти, многие лежат в нашей земле, и в этом смысле наша земля – тоже фронтовая...

Вместе с матерями, сёстрами в госпиталиях и у станков трудились подруги, которые, не дожидаясь Рузвель-

та и Черчилля, практически в первый же день войны открыли второй фронт. Шутка ли сказать: почти 200 тысяч молодых ребят и девчат приобрели за годы войны рабочие специальности, многие «фабзайчата» спали прямо в цехах, чтобы не тратить время и силы на дорогу. Работали с ожесточением, без перерывов, продлёнными сменами, выдавая на шкивных станках, в том числе и... немецких, фирмы «Лорх и Шмидт», шестой класс чистоты.

...О чем же я грущу? А грустно мне оттого, что уже довелось видеть разбившихся всмятку рокеров – ровесников «фабзайчат». И фанатов, в щепки разгрызавших кресла чкаловского ДК на концертах тяжёлого рока, и пришедшего с девушкой в кафе бойфренда в галстук, заколотом булавкой с фашистской свастикой, и его ровесников, привязавших к дереву лошадей и избивавших их «от нечего делать» палками до смерти, а потом выколовших им глаза, и множество «серапионовых» братьев, бегущих с родной земли туда, где всё «самое лучшее», и юных коммерсантов, несущих на толкучку дедовские ордена и медали... Знаю, что у многих, кто прочитает это, на лицах будет выражение, с каким переходят грязную улицу... Но тогда как же быть с памятью миллионов наших соотечественников, чьи родные и близкие пали в сражениях, погибли под бомбёжками, замучены в неволе, сожжены в крематориях и на кострах? Хотя и нет уже госпиталей, где ещё долго страдали в забытьи и звали в атаку навек контуженные и искалеченные последние солдаты, не ведая, что память об их подвиге ныне оболгана и оплёвана за первой же калиткой нашего многострадального Отечества с границами, разрезавшими надвое солдатский погост, – половина русского Ивана лежит в России, а вторая за границей – на Украине...

Да разве ж спрашивали мы, каких кровей были парни, которых на пятый день войны весь Новосибирск проводил на фронт в составе 24-й армии под командованием генерал-лейтенанта С. А. Калинина, той самой, где родилась советская гвардия! Фельдмаршал Салтыков ещё во время Семилетней войны с пруссаками после боя писал в Петербург: «Что до российских гвардейцев касается, то могу сказать, что противу них никто устоять не может, а сами они, подобно львам, презирают свои раны...»

Не могли устоять противу сибиряков-гвардейцев и отборные немецкие войска: именно воины нашей армии под Ельней устроили ад фирменной эссовской дивизии «Райх», а также разгромили танковую, моторизованную и четыре пехотные дивизии. В сентябре 1941 года 100-я, 127-я, 107-я и 120-я сибирские дивизии первыми на фронте стали гвардейскими. Впоследствии и всей армии было присвоено почётное звание 4-й Гвардейской. А в это время в Новосибирске уже формировалась первая добровольческая дивизия, железный характер и мощь которой фашисты испытали на себе в первом же бою под старинным, известным с XIV века, городом Белый, что в Калининской области.

16 апреля 1943 года за проявленную отвагу и героизм на фронтах войны она будет преобразована в знаменитую 22-ю Гвардейскую дивизию. И в разгар боёв под Москвой на помощь столице в теплушках, запорошенных снегом, прибыли сибиряки: они с ходу ударили по врагу. В одних ватниках, скинув шинели, пошли в штыки сибирские пехотинцы. Волоколамск, Наро-Фоминск, Можайск, Истра... Немцы очень скоро почувствовали на себе всю силу и львиную ярость сибирских полков, отправивших в недра русской земли не одну сотню тысяч захватчиков. Хороши были сибиряки и в ближнем бою, и в разведке: целые группы их в белых маскхалатах шли впереди наступающих и снимали гитлеровских «кукушек». «Сибирак, сибирак», – с ужасом произносили это слово немцы, стараясь поглубже зарыться в снег. А этот железный «сибирак», вернувшись из боя, первым делом хватался за почту – нет ли весточки из родимого дома...

И как же радостно было бойцам, когда заработала «обратная связь» – потоком пошли письма из далёкой Сибири, письма, полные надежды, веры и... уверенений в том, что «мы здесь живём хорошо, всего у нас в достатке...» Да разве обманешь солдата, хорошо понимавшего там, на передовой, всю святую неправду этих слов о достатке.

Горе сплачивает людей, и, едва узнав, что в город прибыли первые эшелоны с эвакуированными и ранеными, изо всех окрестных деревень потянулись к Новосибирску подводы с продовольствием, тёплой одеждой. Возвращались не пустые – везли беженцев к себе на постой. Все годы войны деревня делилась с городом и фронтом всем,

что имела. Сталин в телеграмме обком-у просил кланяться до земли колхозникам и колхозницам Новосибирской области, «собравшим 106 млн рублей на постройку эскадрилий "За Родину!", внесшим в фонд Красной армии 110 тыс. пудов хлеба, шерсть, птицу и рыбу...», а генерал армии Рокоссовский писал из действующей армии, что «новосибирский хлебушко придаёт его бойцам особую силу! Хлеб, выращенный вашим великим трудом на полях, – это тоже оружие, и сила этого оружия велика!»

Да только где взять такие слова, чтобы измерить подвиг крестьянской армии: солдатских вдов, матерей и солдаток, стариков и 15-летних мальчишек-мужиков, добывавших этот хлебушко почти голыми руками. Старенькие «Универсалы», штопанные-перештопанные СТЗ, скрученные проволокой считанные полторки не выдерживали тяжких, сверх всякой меры, перегрузок. Пахали, сеяли и убирали на оставшихся лошадах, быках да коровах, и, когда уже совсем становилось невмоготу, выручал сибирский «сухопляр» – без гармонии, бабы и девчонки становились в круг и прямо на поле или на току плясали на зло беде и лиху: погодите, мы ещё нарожаем для России ребяткишек...

Ни в Довольном, ни в Коченево, ни в Тогучине, ни в барабинских просторах не найдёшь осколков мин и снарядов, ржавых немецких касок и штыков, но здесь тоже долгих четыре года стояла оборона. Сибирячки знали это и в 41-м, и в 42-м, и в 43-м, когда война начала откатываться назад, и такие же русские женщины, пережившие оккупацию, по семеро впрягались в плуг и заштопывали рваные поля, чтобы земля снова родила хлеб. Нет, они не писали об этом на фронт, а снова и снова отдавали свои трудодни в фонд обороны. И эти деньги деревенских Катюш, сливаясь с трудовыми рублями их городских подруг, оборачивались для немцев реактивным огнём гвардейских «катюш».

В северных морях уже сражалась подводная лодка «Новосибирский комсомолец», в небе били фашистов эскадрильи «За Родину!», «Боевая подруга», «Донор Сибири», «Новосибирский осовавиацимовец», а когда газете «Советская Сибирь» в октябре 1944 года исполнилось 25 лет, наши земляки собрали 250 тысяч рублей на постройку авиазвена имени газеты для части, где сражался Александр Покрышкин. Для

бойцов было большой радостью вместе с письмами получать из родных мест специально издаваемую для фронта новосибирскими журналистами и писателями газету «Сибирские огни». Её зачитывали буквально до дыр, она кочевала из части в часть, всем хотелось поддержать её в руках, почитать при свете огарочка городские новости, и ещё долго по землянкам раздавалось: «Вот это работают! Вот это земляки! Не подведут!» И в ответ посылались такое же крепкое письмо: «Будьте надёжны на нас. Мы нигде не сдадим...» (Полевая почта 14198 «Р»...)

А город жил невероятным напряжением всех своих сил. В первый же тяжкий год войны, казалось, сама природа решила испытать пределы человеческой стойкости: два месяца – в ноябре и декабре – температура доходила до минус 50 градусов, но 150000 человек пришли на центральную площадь в 24-ю годовщину Октября. В городе хронически не хватало продовольствия, но в первую же суровую военную зиму в центре засверкала огнями праздничная елка, 20 тысяч ребяткишек получили новогодние подарки. Бойцы в окопах узнавали «по вкусу» свой, новосибирский, хлеб, а в самом Новосибирске облизполком объявлял конкурс на лучшую выпечку хлеба из картофеля без примеси муки...

Война, так неожиданно и горько при-тянувшая к себе далёкий мирный город, связавшая его тысячами нитей с передовой, не в силах была вытравить из людей извечное жизнелюбие и веру в лучшее. И она не победила русскую любовь. Невероятным напряжением сил наши солдаты разворачивали войну назад, к её логову, но уже в самый разгар Сталинградской битвы было принято решение о завершении строительства оперного театра, а чуть позже был объявлен конкурс на лучшую застройку центра города.

...Немцы уже вошли в Новосибирск. Это были немцы с «вырванными зубами», смотревшие себе под ноги. Но для тысяч новосибирцев, получивших с фронта похоронки, и для тысяч жителей, видевших трофейное оружие убитых в окружном Доме Красной армии, эта встреча на улицах родного города стала одним из самых тяжких испытаний в жизни... И всё же они нашли в себе силы мстить по-своему: они отли-

вали, фрезеровали, шлифовали, ковали Победу.

...Да, мы называем её Великой Отечественной войной, но ведь за это же самое Отечество бились коммунары и сибирские партизаны, за него сражался чкаловец Борис Туржанский, комбриг истребительной авиации – он стал **первым** Героем Советского Союза, получившим это звание за *боевые* заслуги с вручением медали «Золотая Звезда» № 12. Это было 31 декабря 1936 года, а за полгода до этого – 24 июля 1936 года – её получил один из самых знаменитых людей страны – парень из Татарского района НСО, будущий генерал-полковник авиации Георгий Байдуков, который на самолёте АНТ-25 в составе экипажа с В. Чкаловым и А. Беляковым совершил беспосадочный перелёт из Москвы через Северный Ледовитый океан на остров Удд. Ещё одним из первых новосибирцев, награждённых «Золотой Звездой» из золота 950-й пробы, стал довоенный летчик-истребитель из Черепановского района Александр Романов, который в небе Валенсии уничтожил 20 итальянских «фиатов» и немецких «мессершмиттов» из германского «Легиона Кондор». Иван Евсеев командовал эскадрилей на Арагонском и авиаотрядом на Северном фронте: сбил четыре и в группе 12 фашистских самолетов. После Испании – с августа 1940 года – командовал сформированной в Новосибирске 38-й авиационной бригадой, которая в составе знаменитой 24-й сибирской армии отличилась в боях за Ельню. Ещё один будущий генерал – Георгий Захаров – свой первый вылет совершил 4 ноября 1936 года на биплане И-15 над Мадридом. Сбил шесть и в группе четыре новейших самолёта противника. Удивительно: Новосибирск – Испания... В первый же день Отечественной войны он поджёг два «юнкерса» и, несмотря на высокий генеральский чин, поднимался в небо и лично сбил ещё 10 «немцев». В составе его дивизии воевали французские лётчики полка «Нормандия-Неман». Комбриг Николай Бубнов за мужество в боях за Халкин-Гол получил орден Ленина (1939 г.), а с мая 1942-го по 2 августа 1943 года 11-я танковая бригада под его командованием уничтожила 548 танков, 449 орудий, «перемолола» множество бронетехники, истребила свыше 12 тысяч фашистов. В этом бою – 2 августа – комбриг из Новосибирска пал смертью храбрых. 22 июня 1941 года

соединения Ивана Афонина встали на пути 5-й королевской дивизии румыно-фашистских войск. Он прошёл всю войну и, будучи командующим Будапештской группой войск, освобождал Вену, Братиславу, Прагу, а во время советско-японской войны 1945 года его корпус прошёл через Большой Хинган, по-суворовски преодолев с боями 1200 км. Командир звена 22-го истребительного полка Александр Пьянков сбил в грозном небе Монголии 12 самолетов. Его эскадрилья считалась одной из самых сильных в стране, в ней начинал свою лётную службу Василий Сталин. Но ещё раньше, в 1938 году, наш земляк, выпускник бронетанковой школы Вячеслав Винокуров, на своём танке наводил панику среди самураев у озера Хасан. Во время советско-финляндской войны он, Герой Советского Союза, потерял ногу, но на протезе вернулся в строй, командовал 200-й танковой бригадой в боях под Москвой и на Смоленщине, где героически погиб 30 ноября 1942 года. Иван Пожарский за отражение вылазки японо-маньчжурского отряда в марте 1936 года награждён орденом Красной Звезды. Погиб при штурме высоты Заозёрная. Василий Клевцов во время советско-финляндской кампании был замкомандующего ВВС 13-й армии Северо-Западного фронта – наш генерал прошёл с боями от Сталинграда до Вены. Александр Булаев из посёлка Чаны был самым результативным лётчиком-истребителем в ВВС РККА в войне с белофиннами: совершил 120 боевых вылетов со льда карельских озер, участвовал в 40 штурмовках, сбил девять самолетов и ещё 15 немецких до мая 1943-го – его боялись так же, как и Ивана Глухих – мастера любовных атак, которых не выдерживали даже самые опытные немецкие асы: 16 из них ушли штопором после атак неистового новосибирца. Знай наших!

Гвардии майор Алексей Гаранин из села Плотниково, что в 20 км от моей родной деревни, сумевший уже на 46-й день войны прорваться со своими товарищами и нанести по Берлину бомбовый удар, произвёл 241 боевой вылет в глубокий тыл противника. В ночь на 23 июня 1943 года 22-летний Герой Советского Союза, командир полка авиации дальнего действия (АДД) при выполнении боевого задания направил свой горящий самолет на фашистский склад на ст. Орша. В тот миг он ещё не знал, каким долгим окажется путь к Берлину,

но плейда новосибирских лётчиков АДД – все Герои СССР – отомстила за него по-своему. Юрий Петелин уже к январю 1942 года совершил 52 налёта к стратегические объекты Германии, Михаил Журавков (265 вылетов) сотрясал её с первых месяцев войны. Командир эскадрильи 46-го Гвардейского ночного бомбардировочного полка Ольга Санфинова на своём «кукурузнике» совершила 800 (из них 630 – ночных) вылетов на уничтожение живой силы и техники врага. Гога Агамиров наносил бомбовые удары по военным объектам в глубоком тылу, в том числе в интересах освобождения движения на Балканах. Василий Обухов бомбил Берлин, Данцинг, Кенигсберг, Тильзит. В мае 1942 года на бомбардировщике ТБ-7 доставил правительственную делегацию СССР рискованным путём через Германию, Шотландию, Исландию, Канаду в США и обратно. Григорий Таран был инициатором полётов на предельно малых высотах, вывез со своей эскадрилей более 600 партизан. В мае 1945 года на своём борту перевёз в Сан-Франциско группу советских дипломатов, которые участвовали в создании ООН. Когда в небе на своём Яке появлялся Алексей Дергач, немцы спешно передавали по радиациям сигнал тревоги: «Внимание, в воздухе «Фольбарт»!» («борода»); ещё бы – Герой Советского Союза из Коченёвского района уничтожил 31 самолёт. По-гаранински отомстил за своего земляка Павел Хрусталёв из Барабинска, направивший свой самолет на неприятельские позиции. На его груди уже были два ордена Ленина, два – Красной Звезды, два – Отечественной войны и – посмертно – «Золотая Звезда», окаймлённая красной муаровой лентой. Младший лейтенант Иван Черных в тяжёлом 1941-м, атакуя скопления войск, получил пробоину от зениток и бросил свой самолет на колонну вражеской бронетехники. Капитан Иван Авеков, тяжело раненный в воздушном бою в руку и ногу, сражался против семи новейших «Ме-109», сумел сбить двух, а третьего протаранил. Захар Сорокин из Карасука с ампутированными ступнями обеих ног добился возвращения в небо и на подаренном ему «Тихорецком комсомольце» сбил на протезах 12 самолётов (всего – 13). Будущий генерал-майор авиации, дважды Герой СССР Павел

Головачёв в одном из воздушных боев был ранен в лицо, потерял зрение, но после сложнейших филатовских операций вернулся в небо: в составе группы новосибирских Яков вступил в бой со 100 бомбардировщиками и 30 истребителями, обратив их в бегство. В воздушном бою в Восточной Пруссии, израсходовав весь боекомплект, протаранил «юнкерс», а всего уничтожил 32 самолёта. Василий Голубев, лётчик-истребитель, ставший генерал-лейтенантом, в 133 воздушных боях сбил 33 самолёта. Личный счёт Виктора Харчистова: в 50 боях – 22 самолёта. Русский ас, Герой Союза из Коченёвского района, легендарный лётчик Дмитрий Татаренко к марту 1943 года сбил 22 самолёта. Летал на подаренном ему Ла-5 с жёлтым номером «62», которого панически боялись немцы. Президент США Ф. Рузвельт лично наградил его американским орденом «Морской крест» за совместные боевые действия с союзными лётчиками. О Дмитрие Татаренко писали центральные газеты, снимали фильмы, однополчане говорили о нём, как о рыцаре Балтийского неба. Ещё один выдающийся лётчик Второй мировой войны, дважды Герой Советского Союза Григорий Речкалов совершил более 400 боевых вылетов и в 122 боях лично сбил 61 и в группе четыре самолёта – потрясающий результат. Одна из улиц мирного Новосибирска носит имя капитана Сигова, который был комиссован после тяжелой травмы ноги, но, переступая через все запреты, вернулся в строй, сбил 16 самолётов, из них в своём последнем бою – два... Но вечной памятью ему и не вернувшимся из боя лётчикам-сибирякам будут 59 костров, которые зажгёт в небе войны трижды Герой СССР Александр Покрышкин. Две фашистских эскадрильи полного состава по 30 самолётов истребил на своем истребителе «самый выдающийся лётчик Второй мировой войны» (как назвал его Франклин Делано Рузвельт) – рабочий парень с завода «Сибсельмаш», откуда вышли и 10 из 18 защитников Бельгийской высоты.

...Мне часто снятся все ребята,
Друзья мои военных дней,
Землянка наша в три наката...

Но не все знают, что в живых осталось не трое, как поётся в этой песне из кинофильма «Тишина», а двое, наши земляки: Герасим Лапин и Константин Власов из штурмовой «группы прорыва», которую возглавлял младший лей-

тенант Евгений Порошин, – у каждого по автомату и связке гранат. Сибиряки стояли насмерть. После того страшного боя, потерявшего страну, в воронке нашли полуживого контуженного Герасима Лапина, который сражался потом до конца войны и на Рейхстаге написал за несдавшихся товарищей: «Мы – порошинцы!!!» Оставшийся в живых Константин Власов пытался подорвать окруживших его немцев связкой гранат, но она не сработала: плен, побег, партизанский отряд, святая месть за товарищей.

...Другой «отряд» из молодых ребят-кировчан ежегодно приезжает на Безымянную, где в прошлом году высадили сибирскую ель и поместили капсулу с новосибирской землёй. И, побывав на высоте, всякий раз говорят, что готовы повторить подвиг земляков: за Родину, за Россию, за Отчизну, за мать, за отца. Но в нашей родной, заводской, «сибсельмашевской» Кировке в живых осталось только 219 участников Великой Отечественной, пятеро из них – «сталинградцы». В память ещё об одном – Александре Попове, который в воздушном бою с бомбардировщиком До-215 сбил его ударом винта, – нашему земляку установлена стела на месте первого в Сталинградской битве тарана. На Мамаевом кургане есть аллея с часовней-усыпальницей в честь воинов-сибиряков, чьи дивизии сыграли огромную роль в этой грандиозной битве, о которой создан один из лучших

фильмов о войне «Горячий снег», снятый под Новосибирском, на западной окраине посёлка Чик и на Шиловском полигоне зимой 1971/1972 гг.

Именно солдаты-сибиряки из СибВО, как когда-то их отцы, насмерть стоявшие под Сталинградом, сумели правдиво передать, воспроизвести потрясающую картину великой битвы, в которой участвовали и 25 сибирских дивизий и 4 стрелковые бригады. Это был великий перелом во всей Второй мировой войне, недаром после начавшегося 19 ноября 1942 года стратегического

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь, быть честным, храбрым, дисциплинированным, бездельным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно исполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по призыву Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин, Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Подпись *В.Ворошилов*

Звание Член Советского Союза

Имя, отчество и фамилия КЛИМЕНТ ЕВГЕНОВИЧ

ВОРОШИЛОВ

Наименование части, учреждения, учреждения Народный

Комиссар свечет Оборону СССР

23 февраля 1932

контр наступления советских войск (операция «Уран»), в ходе которого было уничтожено 800000 оккупантов и взято в плен 24 генерала, в том числе фельдмаршал Паулюс – в Германии был объявлен национальный траур.

Но эта победа далась нам дорогой ценой, ведь во время самых ожесточенных боев средняя продолжительность жизни новоприбывшего рядового Красной Армии в Сталинграде не превышала 24 часов. 200000 наших земляков не вернулись из этого сражения – это численность целого Кировского района... И одну из главных ролей в том фильме сыграл тоже наш земляк, замечательный артист и актёр Юрий Назаров, чья юность прошла в Бугринке. Горячий снег Шиловского полигона... Долгое эхо войны...

Стоп-кадры неснятой ленты о войне: Афанасий Чумов из села Зерновка Кочковского района в бою, где погибли все товарищи и на его орудие двигалось 28 танков, один уничтожил четыре «тигра», два бронетранспортёра, четыре пулемётных точки и две машины с пехотой. А это было в Словакии: при отражении лавины танков, когда были убиты все номера расчёта, Василий Щетинин, уже израненный, один расстрелял в упор четыре танка. Георгий Иванов из деревни Гуськи Чулымского района при отражении вражеских контратак в составе орудийного расчёта уничтожил восемь танков и две роты эсэсовцев. Леонид Данилов из Черемшанки Мошковского района за первые два года войны был семь раз ранен, из них пять – тяжело, но всякий раз возвращался на передовую. После боя 30 сентября 1943 года на правом берегу Днепра, где он, уже раненый, подбил семь танков (четыре «тигра»), солдаты стали звать своего командира тигробоем. Новосибирец Хамса Мухамадиев в боях на Курской дуге за восемь дней поджёг восемь танков. Сергей Разин в неравном бою у посёлка Коротыч на Украине уничтожил со своим расчётом 13 танков вермахта. Кавалер трёх солдатских орденов Славы Николай Митрохин из посёлка Романовский Доволенского района во время наступления на Берлин уничтожил четыре танка, а когда его «тридцатьчетвёрка» загорелась, он, уже тяжело раненый, уничтожил ещё два. Они стремились, они шли на Запад...

Евгений Габов в дни Белорусской наступательной операции в августе 1944 года со своим огневым взводом уничто-

жил 13 танков, восемь из них поразил сам. В сражении на Северном Кавказе, в местечке Гизель, командир отделения автоматчиков Пётр Барбашев из Венгровского района в критический момент боя закрыл своим телом амбразуру. Сейчас на этом месте стоит замечательный памятник герою: восьмиметровая фигура воина застыла в броске в вечность. В казарме полка, где он служил, стоит всегда заправленная койка... Алексей Иванов из Новоалександровки Усть-Тарского района в окружении подбил три танка и, спасая товарищей, закрыл собой вражеский пулемёт.

...Дотов злые соты – пуля жалит, как пчела,

А всё равно пехота на «ура» вперёд пошла!

Вот она, родная, врукопашную пошла!

И во чистом поле подчистую полегла...

Здесь и далее (кроме специально оговоренных авторов) – стихи новосибирца Николая Шипилова.

Илья Назаров из Ильинки на подступах к городу Яссы (Румыния) с последней гранатой бросился под «тигр». Невероятно, но ещё трое боевых друзей в этом бою повторили его подвиг. Четыре шага в сторону Берлина... В его восточном пригороде Михаил Соловьёв из села Моховое Колыванского района в своём последнем бою уничтожил 75 гитлеровцев и, оставшись один, подпустил к себе остальных и взорвал гранату... Василий Черненко из Фоменкино Чулымского района в тяжелейшем бою на Курской дуге уничтожил 130 немцев и, когда на его позиции пошли 50 танков со свастикой, бросился под гусеницы «тигра» со связкой гранат. А это было под Мурманском: фашисты обложили подбитый танк Александра Грязнова хворостом, пытаясь выкурить несдавшийся экипаж, но последней противотанковой гранатой Александр подорвал свою машину и немцев. Александр Аксёнов в самый тяжёлый момент боя пожертвовал своей жизнью: подорвал себя и танк. Герасим Кучерявый, оставшись один, бился до последнего патрона, подорвал себя и фрицев.

Александр Свилюков из Орловки Мошковского района воевал в составе группы захвата разведроты. Взял в плен 17 «языков». 29 декабря 1943 года одним из первых получил высшую солдатскую награду – орден Славы и потом – ещё два. Виктор Леонов из Вен-

герою, профессиональный разведчик, однажды провёл в тылу врага пять суток, доставил в штаб дивизии четверых «языков» с ценнейшими сведениями. Был контужен, ранен, возвращался на передовую, пленил ещё не один десяток «языков», в одном из боёв уничтожил гранатами три танка и стал Героем Советского Союза в 19 лет. Дмитрию Стребкову шёл 18 год, когда он открыл свой снайперский счёт. Сам был ранен, потерял глаз, но за короткое время лично уничтожил 230 фашистов. Удивительно, но все три ордена Славы нашли его только в 1967 году – и все сразу. Ещё удивительнее то, что сибирский снайпер стал полным кавалером этого ордена в 19 (!) лет.

Орден Славы был учреждён 8 ноября 1943 года по инициативе Сталина и стал последним «сухопутным» орденом, созданным за годы войны. Почему именно Славы? Ведь первоначально его предполагалось назвать орденом Багратиона, но Верховный главнокомандующий пояснил: «Побед без славы не бывает». Все цвета ордена Славы повторяют расцветку ленты российского императорского ордена Святого Георгия. По замыслу орден должен был иметь четыре степени: столько же, сколько имели орден Св. Георгия и «знак отличия военного ордена» – знаменитый Георгиевский крест. Но всё же решили дать «солдатскому» ордену три степени, аналогично «полководческим» орденам. 57 полных кавалеров этого почётнейшего ордена – новосибирцы. Дед одного из них, Степана Петровича Денисенко, Устин Макарович Бокша был полным кавалером Георгиевского креста, а сам Степан Петрович – полный кавалер ордена Славы, был признан одним из лучших снайперов Второй мировой войны: на его счету 181 оккупант. Наш земляк Степан Денисенко 24 июля 1945 года, в день Парада Победы, в составе 200 знаменосцев, пронёс по Красной площади и бросил к подножию Мавзолея личный штандарт Гитлера. Степана Петровича Бурматова после войны нашла ещё одна затерявшаяся награда: второй орден Славы-1. Бурматов – один из 22-х полных кавалеров ордена Славы СССР, награждённых четырьмя орденами Славы.

Но как же было ещё далеко до этих мирных дней и Победы...

Смертью храбрых полегли Пётр Емцов и Никита Митченко – двое из легендарной группы 28 героев-панфиловцев,

уничтоживших 16 ноября 1941 года в Московской битве у разъезда Дубосекова 18 фашистских танков. В тот миг они ещё не знали, каким долгим окажется путь к Рейхстагу, но этот путь продолжили в боях под Ельней, где пылала одна из самых страшных кочегарок войны, их земляки – Герои Советского Союза Матвей Батраков и Иван Некрасов. Здесь, под Ярцево, встречал танки и был тяжело ранен мой отец – командир батареи Иван Денисенко.

Этот путь продолжила и Софья Яковлевна Игнатова, вырастившая девятирех сыновей и четырех дочерей, и, когда грянула война с белофиннами, вместе с семьёй сыновьями пришедшая в Октябрьский военкомат (двое старших – Александр и Владимир – уже служили). Игнатовы сформировали два танковых экипажа, а когда началась Отечественная, четверо братьев-лейтенантов командовали танковыми взводами на Южном фронте, двое танкистов Игнатовых обороняли Ленинград. Пал смертью храбрых Аркадий, но на его место встала Маша. Дорогую цену взяла с немцев снайпер 150-й Сибирской добровольческой дивизии Мария Игнатова за погибших братьев Аркадия и Николая: к концу войны на её счету было 140 гитлеровцев. Многие сибиряки сражались, уже зная о подвиге семьи Игнатовых, почти целиком ушедшей на фронт. А знали ли они, что в одной из землянок на позициях 9-й Гвардейской Краснознаменной дивизии, сформированной в нашем городе, в кругу наших земляков, приютивших его после выхода через минное поле, Алексей Сурков напишет свою щемящую «Землянку» с такими заветными, такими нужными словами:

...Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами – снега да снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага...

И знал ли эту песню сделавший четыре шага в бессмертие у далёкой деревеньки Сычково Михаил Селезнёв, что мальчишкой гонял голубей на улице Сенной? Эти четыре шага каждый день проходят по дороге в школу имени Михаила Селезнёва белорусские хлопчики мимо дзота, который закрыл грудью наш земляк. Четыре метра войны, четыре шага в сторону Победы. Но уже встают в полный рост 18-летние солдаты Виктор Шевелёв и Дмитрий Шмонин, шагнувшие в кровавый днепровский кипяток, и вместе с ними покрывшие

себя славой парни из далекого Новосибирска: 101 воин удостоен звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра. С последней гранатой бросился под танк Пётр Шилев.

...Нас огнём не испугать,
нам ещё шагать, шагать
По дорогам Европы смятенной
С почерневшими губами
с пограничными столбами
Нашей доли военной.

Переведи дыхание, дыши, чтобы идти,
Устанешь – не садись и не ложись.

По всем приметам – до Победы
меньше полпути,
А там пойдёт совсем другая жизнь...

...О приведённых здесь фактах, цифрах, сведениях многие наверняка знают из различных источников: газетных и журнальных публикаций, документальных воспоминаний, архивных данных, «Книг Памяти», в том числе замечательного издания «Новосибирцы – Герои Отечества» (2010 г.), созданного к 65-летию еликой Победы совокупными благородными усилиями составителей, ветеранов, архивистов, краеведов, музейных работников, историков; из передач на радио и ТВ. Но дороже всего – личные воспоминания людей военного лихолетья, фронтовая переписка, сбережённые фотографии, сохранившие облик друзей, родных, однополчан, сам дух времени. Сейчас уже многое подсчитано, суммировано, проанализировано, обобщено, но, конечно же, эти данные будут пополняться, уточняться, переосмысливаться.

Об одном жалею, что невозможно, конечно, упомянуть всех, кто не стал генералом, не получил Звезду, вообще не вернулся домой, как невозможно учесть, посчитать ту молитвенную помощь, молитвенную защиту, которую во все дни войны простирала над нашими ополченцами Православная церковь. С первых же дней войны в Вознесенском кафедральном соборе и во всех церквях епархии за литургией читалась особая молитва о Победе и служился молебен против супостатов. В храмах действовал тарелочный сбор «пожертвуйте на оборону страны», все средства передавались в фонд Красной армии. Но главное – с далекой сибирской земли, через сибирских святых шли неустанные молитвы о здравии воинству и даровании победы нашему оружию. Это – российская традиция, и тоже – эхо войны...

В последние годы на улицах города в майские дни можно увидеть джипы на которых, как когда-то на фронтовых ЗИСах и полуторках, шофера пишут: «Сибиряки-гвардейцы!», «За отца!», «4-й Украинский фронт», «За Родину!», «На Берлин!», «Спасибо деду за победу!»... Молодые сибиряки по-новому осознают и празднуют Великую Победу, в том числе и с дорогими символами Великой Отечественной войны, в которых есть и их щемящая боль. Ведь мы помним ещё недавнее холодное беспамятство, когда покалеченных «афганцев», вынужденных на протезах ходить «по кабинетам» и «выбивать» свои заслуженные льготы, встречали сытые, раскормленные подлые рожи, которые ухмылялись: а я тебя туда не посылал...

Один из шести Героев СССР – «афганцев», Николай Шорников, в майские дни 1980 года, прикрывая отход своих бойцов и израсходовав патроны, совершил подвиг самопожертвования – подорвал себя и врагов последней гранатой, как наши земляки, наши отцы на войне. Как офицер Иван Шелохвостов, также прикрывая отход солдат из окруженного дома в районе Аргуна, взорвал гранату, обрушив крышу на себя и боевиков. Сергей Уженцев перед взрывом гранаты с растяжкой успел накрыть своего командира телом, спас товарищей. Жантас Жолдинов ценой жизни дал возможность своим товарищам выйти из окружения – басмачи так и не смогли его пленить: тяжелораненый, он отбивался от них штык-ножом. Расстрелян в упор. Классный разведчик и снайпер Олег Куянов из Бердской бригады спецназа участвовал в двух Чеченских кампаниях. Попав с друзьями в засаду, а потом в окружение, совершил беспримерный поступок: начал отвлекать бандитов на себя, уводя их от группы. В этом бою он один уничтожил 40 боевиков и наёмников. Убит в упор, зверски изрешечён пулями... Всего 49 новосибирцев – Герои Российской Федерации, многие – посмертно.

Читаем в Статуте главного ордена страны: Герою РФ вручаются: знак особого отличия – медаль «Золотая Звезда», грамота о присвоении звания Героя России, а также «Проездной билет» и «Книжка талонов на право получения проездного билета»...

Проездной билет... 70 лет прошло после Великой Отечественной войны, а чиновники всё докладывают, каждый год рапортуют, что вот-вот скоро, ещё

чуть-чуть – и обеспечат жильем нуждающихся ветеранов ВОВ...

Кому давать?.. 70 лет.. А ведь многие из них, вернувшись с полей войны, ещё и честно отпахали на тех же самых заводах, откуда уходили на фронт и откуда со слезами опять уходили в 90-е, видя, как в опустевших, разворованных цехах, в которых когда-то прокатывали стальной лист для брони Отечеству, в цехах, поставивших армии 125 миллионов снарядов – четверть всех, выпущенных за всю войну по врагу, приезжие «негоцианты» торговали «шопом», нижним женским бельём, а «красных директоров», генералов производства, создававших эту мощь в 40-е и послевоенные годы и пытавшихся спасти заводы в 90-х – просто отстреливали...

Недавно видел, как шедшие по аллее на Вертковской молодые ребята со своими девушками остановились и заворожённо смотрели в небо, где за серебряным треугольником сверхзвукового чкаловского истребителя летел характерный раскатистый грозовой гул – тоже эхо далёких лет, когда при директоре Викторе Николаевиче Лисицыне завод № 153 («Чкаловский») совершил, казалось, невозможное: выпускал «авиаполк в день» (28–30 самолётов в сутки) – это почти 50% всех самолётов, сражавшихся в небе войны (!). Стоит напомнить, что в эти же годы в Новосибирске работали два конструкторских бюро выдающихся отечественных авиаконструкторов: Николая Николаевича Поликарпова, чей И-16 стал первой серийной машиной чкаловцев, и Олега Константиновича Антонова, сконструировавшего в нашем городе многоцелевой Ан-2, который признан лучшим бипланом в мире и летает до сих пор!

Новосибирск и область дали целую плеяду знаменитых лётчиков-испытателей практически всех сверхзвуковых самолетов-перехватчиков МиГ, Су и их модификаций; девять человек – Герои Союза, имя одного из них: Вадима Ивановича Петрова, лётчика-испытателя истребительной эскадрильи, впоследствии ставшего начальником Управления лётной службы Министерства авиационной промышленности СССР, – на правах земляка называю с особым уважением (он из села Мотково Мошковского района). Ещё два героя первыми в стране испытывали термоядерное оружие.

С Новосибирском так или иначе связаны судьбы 36 генералов, воевавших

за Отечество, точнее 20 генерал-майоров, шести генерал-лейтенантов, трёх генерал-полковников, четырёх генералов армии, трёх маршалов – все Герои Советского Союза. Шесть военачальников – дважды Герои СССР. Всего же 373 наших земляка награждены «Золотыми Звёздами» – от маршалов до солдат Великой Отечественной войны. Вершина мужества. Пантеон нашей сибирской славы.

9 мая, в четверг Светлой седмицы, во всех наших церквях для них будет служить Благодарственный молебен Господу Богу о даровании Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: 600 тысяч бойцов дала Новосибирская область фронту – это 600 полков полного состава! 16 сибирских дивизий участвовали в штурме и взятии Берлина.

...Земля задышала, рванулась им навстречу. И не было на всём пятитысячекилометровом пути труднее этих последних вёрст и метров, которые прошли и тысячи новосибирцев.

Александр Ушаков уничтожил в нескольких боях девять тяжёлых танков, 150 солдат и офицеров рейха. 20-летний сибиряк Евгений Евсеев в воздушном бою посадил и взял в плен немецкого аса, летавшего на спецсамолёте и прозванного нашими бойцами Чёрным бароном. Им оказался правнук «железного канцлера» Бисмарка.

Они шли на Запад...

Под командованием Михаила Волкова из Кыштовки, 558-й стрелковый полк 17 августа 1944 года одним из первых вышел на государственную границу в районе г. Кудирикос-Науместис (Литва). Николай Леончиков, комсомолец, гвардии сержант, в переломную минуту боя повёл за собой весь батальон, первым форсировал реку Пилицу и удерживал плацдарм, пока не переправился весь полк. Краснофлотец Виктор Ус в холодной октябрьской воде с катушкой провода на спине переплыл Волгу и установил связь с базой бронекатеров. В этом году кировчане приняли решение назвать одну из улиц района именем Героя СССР Виктора Уса.

Лётчику Григорию Сметанину из Карасука выпала особо трудная миссия – аэрофотосъёмки в тылу, сопряжённые со смертельной опасностью: за ним охотились специально. Но уже к сентябрю 1944 года он предоставил командованию фотосъёмки 30 тысяч квадратных километров, которые сыграли огромную роль при разработке планов прорыва,

особенно на завершающей стадии войны. Николай Борисов из Михайловки Болотнинского района в составе группы добровольцев проник к заминированному Имперскому мосту, перерезал провода, сбросил в воду взрывчатку, и по освобожденному мосту хлынули войска 1-го Гвардейского механизированного корпуса 4-й Гвардейской армии. И ещё на длину Имперского венского моста приблизилась Победа. Пётр Кожемякин из Каргата получил задание срочно построить со своими бойцами стометровый мост через Неман для рвавшихся на Запад частей. После адского шестичасового труда по грудь в воде, под жесточайшим обстрелом мост был построен, частью разбомблен, опять восстановлен. 100 метров войны... За ночь по «Кожемякинскому» мосту проследовали части двух стрелковых и кавалерийского корпусов. Они пошли дальше – на Запад.

По переправе, сооружённой саперами капитана Петра Шередегина, прошли четыре стрелковые дивизии и бригада. Взяв с собой трёх сапёров (все привязали к себе по две противотанковые мины и по четыре в каждой руке), капитан установил с ними в темноте минное поле: «тигры» были оставлены, а наши танковые соединения пошли дальше. Александр Донских в тяжелейшем бою при освобождении Белоруссии захватил и спас от взрыва заминированный мост через Олу, обеспечив переправу для шедших вперед войск. Его однофамилец Иван Донских, миномётчик, в боях по расширению плацдарма на Одере (за неделю до Победы) подавил мощную огневую систему, отразил 13 контратак, дважды вызывал огонь на себя, чтобы однополчане скорее прорвались в фашистское логово. Уже вошёл одним из первых в Кенигсберг Петр Огнев, уже судьба распорядилась так, что именно сибиряку Ивану Шанцеву – стрелку-радисту 13-й воздушной армии – выпало счастье от имени тысяч и тысяч бойцов 16 апреля 1945 года сбросить в расположение рвавшейся к фашистской столице 82-й Гвардейской дивизии символический ключ от Берлинских ворот, на одной стороне ушка которого была надпись: «1760 г.» (год взятия русскими войсками Берлина в Семилетней войне), на другой – «1945 г.» В это же время, 17 апреля, 117-й полк под командова-

нием подполковника Ефима Гриценко ворвался в Берлин, выбивая из всех щелей и пленяя немцев, расчищая путь к Рейхстагу. В ночь, когда он лично возглавлял форсирование Тельтов-Канала, его сразила пуля: прямо в грудь, прямо в сердце. Генерал-майор из Татарки Нестер Козин командовал 52-й стрелковой дивизией 3-й ударной армии, которая к утру 21 апреля первой вышла на северную окраину Берлина и очистила более 120 кварталов и улиц города. Василий Лызин из Болотнинского района открыл свой лицевой счёт на Халкин-Голе: семь подбитых бронемашин врага, за что был награждён монгольским орденом «Полярная звезда». 25 апреля 1945 года батальон гвардии капитана Лызина вместе с подразделениями 328-й стрелковой дивизии первым ворвался в Кетцин и, соединившись с танками 6-го Гвардейского корпуса, замкнул кольцо вокруг гитлеровской столицы. Уже Алексей Костин вывел свою батарею на автостраду «Берлин», и весенняя немецкая гроза, пришедшая со стороны Шпандау и казавшаяся такой неестественной и ненастоящей на фоне тяжёлой артиллерийской канонады, уронив на зацветающую землю пятиминутный ливень, нехотя и словно огрызаясь, отступала на Берлинском направлении. 4-я батарея Костина сделала первый залп по железнодорожной станции Берлина Хайнесдорф, а потом до победного дня он корректировал огонь орудий, расчищавших квартал за кварталом, с НП, оборудованного на чердаке швейцарского посольства. Гвардии майор Алексей Вельский в ходе штурма столицы рейха придумал ход, который потом вошёл во все учебники по военному искусству: со своими бойцами он двигался по Фридрихштрассе, перепрыгивая с кровли на кровлю, методично подавляя огнём «гнезда» и создавая дымовыми шашками завесу, под покровом которой в город вошли танки и артиллерия, с ходу взявшиеся за дело, метр за метром расчищая путь к Рейхстагу, на стенах которого, сразив в рукопашном бою более десяти гитлеровцев, одним из первых расписался старший сержант Антон Страхов и другие новосибирцы. Одному из них, 20-летнему сибиряку, гвардии старшине Маршалкину, выпало фронтовое счастье разведать, а потом в ночь на 30 апреля 1945 года провести в здание Рейхстага спецгруппу из 11 человек, среди которых были Егоров и Кантария в 14 часов 25 минут

воздвизшие знамя Победы, по которому немцы открыли ожесточённый огонь. Про знамя Победы можно сказать как о солдате: семь пулевых ранений...

И, когда наступила тишина и началось великое «чистописание» на стенах Рейхстага, не удержался старшина Маршалкин, тоже добрался до крыши, встал на край карниза и закричал: «Земляки, вижу Сибирь!»

Всё, гвардеец, в бою изведая:
Холод, голод, смертельный риск –
И героем вернись с победой

В славный город Новосибирск,
– так просил, так завещал в начале
огненной дороги погибший смертью
храбрых гвардии старший сержант
Борис Богатков.

...Они возвращались домой, и вокруг лежала зелёная русская земля, и майские дожди всё омывали и омывали её израненные поля и пашни, солдатские погосты и белые, словно забинтованные берёзы.

Как ждали их в родном городе! Как не хватало их в тот незабываемый день, когда оператор Новосибирского отделения ТАСС Мария Кочеласова, первая, кто приняла известие о безоговорочной капитуляции Германии, со слезами кинулась к окну: «Победа!»

В 6 часов утра об этом знал уже весь город. Соседи стучали друг к другу, плакали, обнимались, а на улицах уже бурлил людской водоворот. Накануне прошёл дождь, город дышал весенней свежестью, и в утреннем воздухе перекликались сотни гудков. С заводов и фабрик потянулись машины, но вскоре они были вынуждены остановиться: все улицы на подступах к площади Свердлова были затоплены ликующими людьми. Ранним утром рабочие Чкаловского завода стали стихийно собираться на заводском дворе, куда уже стекались другие смены. Из окон заводоуправления появилось знамя Государственного комитета обороны, которым завод был награждён за форсированную поставку боевых самолётов фронту и выдающийся вклад в оборону Отечества. Директор завода Лисицын поставил древко знамени перед собой и, сняв генеральскую фуражку, стал перед ним на колени. Стало тихо. Директор взял край знамени и приложил его к губам... Это было так нужно людям, так необходимо... Может быть, больше самых лучших слов. А через некоторое время чкаловцы двинулись к центру города. Там,

у здания облисполкома, уже волновалось, бурлило людское море: многие обнимались, пели «Катюшу», «Землянку», качали фронтовиков, фотографировались на память, дарили друг другу цветы. Все окна домов, окружающих площадь, были распахнуты настежь, даже крыши были усеяны людьми. У микрофона с непокрытой головой стоял Кулагин, первый секретарь обкома, и если бы он говорил ещё десять часов подряд, его всё равно бы слушали: каждое слово казалось дорогим и новым...

На почту невозможно было пробить: уже к 12 часам дня новосибирцы отправили в различные уголки страны более 10 тысяч поздравлений. А на встречу им ещё шли фронтовые треугольники и похоронки...

...Всякий раз, когда я бываю здесь в майские дни и вижу, как бережно и свято старые матери кладут цветы и вербы в общий братский венок вокруг огня, всякий раз, когда я встречаюсь взглядом с их неяркими заплаканными глазами, становится тесно в груди, и меня охватывает чувство горькой вины за ту расфасованную доброту, которой мы оплачиваем, да и то не всегда, «по праздникам», долги наши перед людьми военного лихолетья; за великие муки, унижения и преждевременную смерть солдат Великой Отечественной войны, принятые ими на родной земле в 90-е годы от иудиних рук, разоривших Отечество и обокравших народную Победу. Шевельнётся сердце, будто только сейчас начинаешь замечать старенький щемящий ситец, узелки в руках, чёрный платок на голове... будто только сейчас начинает проступать для тебя в общем многоголосии их негромкая речь...

...И надумала я, Клава, Василия своего перед смертью разыскать. Следопыты-то всё писали, писали... теперь и писать перестали... а я уж своим чутьём бугорок его найду...

...Мария, Мария, сюда, сюда – здесь

наши. Здравствуй, сестричка, дай я твои руки золотые поцелую... Я ведь твой бинт до сих пор храню...

...И, веришь ли, нет, сколько уж лет прошло, а всё нет-нет, да и приснятся ребята: Миша да Коля Борисовы, Семён Ильичёв, взводный наш, что под Оршей лёг, Егор Лагутин – на целый метр его война укоротила... А батька твой – Артём Захарович, царство небесное ему, дважды при мне горел: в Польше, под Пясками, и у самой Тисы. Неужто он тебе никогда не рассказывал? Вот характер...

...Мой-то как выпьет, бывало, всё письмо Ельцину сочинял: отдай, мол, мои гробовые деньги...

... И такая, знаешь ли, меня злость взяла: сколько я этой рукой плотничал, сколько в Колпашево до войны домов срубил, а тут лежит на земле, как живая, и кольцо на безымянном, что Прасковья надевала, целёхонькое светит... И, веришь ли, нет, схватил я её правой-то и при сознании ещё, помню, швырнул в их сторону: нате, жрите, подавитесь, сволочи!

...А моего Николая здесь нет. Он еще в 37-м «отвоевался», а был бы жив, сам бы пошёл на призывной, как Иван да Павел, сродные братья его. Сабельниковы наша фамилия. Може, и есть где на камне запись... что-то глаза мои не видят... А я каждый год сюда хожу: плакать вместе. На людях как-то легче...

Как не быть, думаю я, наверняка есть. Как и у многих из тех, кто пришёл сюда, кто стоит сейчас у обелисков и братских могил, те же родовые фамилии, что высечены на страницах этой каменной книги. Их, не вернувшихся к родному порогу, павших далеко от отеческих мест, – более 30 000. Ещё будут сегодня у Вечного огня светлые слёзы и радость встреч, улыбки и цветная гроза фейерверка, но дороже пробирающийся к огню с веточкой сирени мальчишка, и парень на КамАЗе с алтайским номером, притормозивший у обочины, чтобы положить к пилонам цветы багульника, и инвалид в пороховой гимнастерке, опирающийся на палочку («человек, не умеющий стоять» – так переводится на русский лад это слово), и седоголовый мужчина, пришедший в отцовской простреленной шинели, и пожилая женщина, принесшая горсточку сыновней афганской земли к отцовской, ельнинской...

...Мы должны это знать, это опубликовано, и мы никогда не забудем: «144 полка полного состава лежат в чехословацкой земле – это 144 тысячи отборных воинов из цвета нации. 640 полков, павших смертью храбрых, покоятся в польской земле – это 640 тысяч бойцов. Ста полкам земля стала пухом и прахом в Венгрии – это сто тысяч ратников. 500 полков укрыла навеки немецкая земля – это полмиллиона обстрелянных воинов, которых не дождалась матери, жёны, дети...»

Всего же в годы Великой Отечественной войны погибло и пропало без вести 26 миллионов 600 тысяч наших соотечественников... Ни одна страна в мире, выпусти из неё столько крови, столько жизненных сил – не встала бы на ноги. Кроме нашей великой Родины. Нам и сейчас больно, нестерпимо больно от того, что те, кого мы ценой огромных потерь и беспримерного мужества спасали от кочегарок концлагерей – отвернулись от нас, оскверняют и сносят пантеоны русским солдатам... Россию хотят «наказать» за непокорность, «уморить нас голодом», забыв, как в 45-ом наши солдаты, отрывая от себя, кормили их из полевых кухонь на улицах Вены, Кракова, Праги, Берлина... «И на груди его светилась медаль за город Будапешт...»

Они всё забыли. Мы – никогда! И нас никто не поставит на колени. Парни, не молчите! Скажите своё слово за Родину. Не молчите, когда её хулят и злословят. Помянем русскую кровь и кость и вспомним, что такое наше святое т о в а р и щ е с т в о!

Они снова с нами – наши бессмертные полки и наши бессмертные дивизии.

И среди них – тысячи и тысячи наших земляков... Шесть новосибирских дивизий стали гвардейскими... Всего же наша область дала фронту более 600 тысяч воинов! 353 наших земляка в ходе Великой Отечественной войны удостоены звания Героя Советского Союза, 57 новосибирцев – полные кавалеры ордена Славы!

Подросли уже 40 русских березок, высаженные ветеранами в день 40-летия Победы, покрылись зеленью и трепещут на ветру тысячи молодых листочков, словно каждый из них шепчет имя погибшего. Мы не знаем, кто первый из новосибирцев пал на окровавленную

землю, кто последний погиб в мае 1945 года. Но если бы все они встали, как живые, повзводно, плечом к плечу, то не осталось бы места на всём огромном пространстве возле мемориала...

Но живы ещё их фронтовые товарищи: новосибирские сапёры, лётчики, моряки, десантники, артиллеристы, миномётчики, снайперы, медсёстры, стрелки-радисты, фронтовые шофёры, танкисты, разведчики, пехотинцы, и лишь только забрезжит утро Победы, они идут со всех улочек и переулков города, в котором не было войны: с Зенитной и Десантной, с Окопной и Танковой, с Воинской и Батарейной, с Артиллерийской и Оборонной, с Ружейной и Пулемётной, с Дивизионной, с Добровольческой и Краснодонской, из Бо-

евого переуллка, с Военной и Брестской горок, с Ватутина и Гастелло, Толбухина и Зорге, Бориса Богаткова и Капитана Сигова, Михаила Селезнёва и Ольги Жилиной, с улицы Сибиряков-Гвардейцев, с улицы Свободы, с улицы Мира, с улицы Победы...

Мы ничего не забыли: ни горя матерей, которым некого было встречать, ни сына, прижавшегося к матери, но не могущего её обнять – оба рукава пустые, ни слёз радости, слёз Победы, бегущих по солдатским щекам, ни наших салютов – словно отсветов огней минувших сражений. Но ярче и светлее всех фейерверков горят для нас фанерные звёзды не вернувшихся с войны солдат. Вспомним всех, кто погиб, защищая нашу Родину. Вечная память...